

Анатомий Уманский, Александр Матюхин, Иван Белов,
Вадим Громов, Оксана Ветловская, Елена Щетинина,
Лариса Львова, Ярослав Землянухин, Алан Кранк,
Максим Кабир, Ксения Кошникова, Юлия Саймоназари,
Михаил Закавряшин, Юрий Лантан, Александр Подольский,
Мария Анфилофьева, Станислав Минин

шепот крика

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА 2019

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш48

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*

Составитель *Парфенов М. С.*

Шепот крика. Самая страшная книга 2019:
Ш48 сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ,
2019.— 635, [2] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-114789-1

Страшно?..

Серия «Самая страшная книга» — лицо современной русскоязычной литературы ужасов. Уже вполне узнаваемое лицо, полюбившееся тысячам читателей.

Страшно?.. Страшно интересно!

Собрание леденящих душу историй. Галерея кошмаров разных эпох и миров. Уникальный проект, восхищающий высоколбых критиков и признанных мэтров.

Страшно... Еще как страшно!

Перед вами — уже шестая такая антология, «Самая страшная книга 2019».

Главная хоррор-антология страны.

Книга, пропустить которую вы не имеете права.

Потому что это действительно СТРАШНО.

© Авторы, текст, 2018

© М. С. Парфенов, составление, 2018

© А. Провоторов, иллюстрация на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

И, наконец, про Стивена Кинга

Когда в начале 2014 года вышла самая первая «Самая страшная книга», мало кто мог представить, что томику этому суждено стать началом целой серии. Это был эксперимент... Черт побери, это был классический «первый блин».

Вышел он, как водится, комом. «Самую страшную книгу 2014» издали минимальным тиражом — всего лишь в две тысячи экземпляров. Под простоватой обложкой, на дешевой и маркой газетной бумаге оказались собраны истории никому на тот момент не известных авторов. Не все из этих историй были по-настоящему хороши, но тем ярче блистали истинные жемчужины, которым в той подборке, по счастью, также нашлось место.

Ныне общий тираж «страшных книг» перевалил за отметку в пятьдесят, а впереди уже виден знаковый рубеж в сто тысяч. В серии выпускаются тематические антологии («Хеллоуин», «13 маньяков», «13 ведьм», «13 монстров»), авторские сборники («Запах», «Зона ужаса», «Чертовы пальцы»), романы («Фаталист», «Скелеты»), а прямо сейчас в руках вы держите — подумать только! — уже шестую ежегодную антологию ССК. Приятно осознавать, что книги нашей серии собирают, коллекционируют...

Что ж, здравствуй, Постоянный Читатель.

Звучит знакомо, да?.. Долгих шесть лет мы этого всячески избегали, но уж теперь-то можно. Давайте, наконец, честно и откровенно поговорим о Нем, о Его Величестве.

Отношение к Королю Ужасов у отечественных авторов хоррора, надо сказать, довольно сложное. С одной

стороны, после унылых опытов девяностых годов прошлого столетия словосочетание «русский Стивен Кинг» многими воспринимается почти как ругательство — больно уж часто в рекламных целях этот ярлычок навешивали на книжки беспомощных эпигонов и откровенных графоманов.

С другой стороны...

Во время встреч с читателями, в интервью и на разных публичных мероприятиях Кинг любит рассказывать анекдот из собственной жизни — историю о том, как, будучи на какой-то пафосной писательской конференции, он заглянул в туалет дорогого отеля, где его узнал тамошний работник. Только представьте: стоите вы перед писсуаром, *слегка напряженный*, сражаетесь с заевшей молнией брюк — и тут вас по плечу хлопает пожилой негр. И громко говорит, почти орет вам в ухо (очевидно, потому, что сам он, в силу возраста, несколько глуховат): «Эй, мужик, а я тебя знаю! Ты этот, из телика, который страшилки сочиняет!»

Ужасно неудобная ситуация. Но я уверен, что девять из десяти авторов хоррора, живущих на планете Земля, эту и ей подобные байки слушают... с завистью. Они могут это скрывать, могут все гневно отрицать или смеяться (быть может, немного *нервно* смеяться), но факт в том, что большинство из нас были бы вовсе не прочь оказаться в том туалете на месте Стивена Батьковича.

Эй, многие согласились бы испытать и что-нибудь похуже приставаний взбалмошного престарелого афроамериканца, лишь бы их вот так же узнавали в общественных местах. И дело тут не в деньгах и славе.

Нет, я не знаю никого, кто был бы против того или другого, но дело ведь правда НЕ ТОЛЬКО в этом.

Для нас, для того поколения авторов, что пишут хоррор на русском языке здесь и сейчас (те, кого называют «темной волной»), Стивен Кинг — больше, чем громкое имя. И уж конечно гораздо больше, чем бренд, в который это имя давным-давно превратилось.

Стивен Кинг — это путеводная звезда. Маяк, светивший в самые темные ночи. Объект веры, если угодно. Не как литературный «отец» или учитель — авторы русского хоррора учились у многих, от По и Лавкрафта до Лаймона и Кетчама, от Гоголя и Бестужева-Марлинского до братьев Стругацких. И у Короля, естественно, тоже учились, но — не только у него. Кинг важен в более широком смысле: как личность, как человек с собственной уникальной историей и как сочинитель тех историй, которые мы все читали.

В конце двадцатого века, когда мое поколение делало первые неуверенные шаги в жанре, когда на прилавках появлялись те самые позорные «русские Стивены Кинги», — мы читали книги Короля, читали Роберта Маккаммона, Клайва Баркера (спасибо, к слову, этим и другим зарубежным мэтрам за теплое отношение к «Самой страшной книге»). И понимали, что на самом деле — можно. Можно писать о страшном так, что это интересно и приятно читать. Можно сочинять пугающие истории — и иметь успех.

Конечно, судьба Короля сама по себе вдохновляет многих, ведь это классический образец того, что на Западе называют «американской мечтой», но что на самом деле близко и знакомо каждому. Как сказка о Золушке, то есть как история о том, что трудолюбие и талант (и капелька волшебства, то бишь удачи) помогают достичь вершины. Несмотря ни на какие трудности.

Когда нас отвергали издатели и критики, когда в народе говорили, что хоррор в России никому не интересен, что хоррор — это вообще не литература, пример Стивена Кинга доказывал обратное. Служил напоминанием о том, как на самом деле обстоят дела.

И вот теперь мы в чем-то сравнялись. Нет, выдающийся карьерный взлет Короля уже вряд ли кому удастся повторить — все-таки времена меняются, как и обстоятельства. Но, по крайней мере, у нас тоже появились свои Постоянные Читатели. Учитывая, с чего все началось — это самое главное.

Забавно, но и по сей день иногда кого-то из отечественных писателей сравнивают с Королем. В последние годы особенно «везет» в этом плане писательницам — то Марьяне Романовой, то Анне Старобинец... Но я прошу не называть «русским Кингом» никого из авторов, чьи истории собраны в «Самой страшной книге 2019». Потому что они — мы — совсем не похожи. У них — у нас — свои голоса.

И потому что, признаюсь: хоть я и обещал тебе, Читатель, говорить честно, но солгал уже в заголовке этой статьи. Ведь на самом деле она вовсе не про Стивена Кинга...

М. С. Парфенов

Анатолий Уманский

ГОСПОДИН ЭЛЕФАНТ

Владу Маслову, подавшему мне эту идею

1

План пришел в голову Павлу в одну из бесконечных бессонных ночей, когда он лежал на жесткой постели, накрывшись армяком, вслушиваясь в настырный комариный звон и скрип ветхих половиц. План отчаянный, нелепый, даже комичный... но после череды блистательно задуманных и с треском проваленных покушений, стоивших жизни многим его товарищам по борьбе, быть может, такой только и мог сработать.

На эту идею его натолкнули объявления, расклеенные по всему городу недавно прибывшим разъездным цирком: ищут человека для работы со слоном. Поначалу Павел думал наняться туда безо всяких задних мыслей. Скучные сбережения неумолимо подходили к концу, кишки исполняли по ночам голодные марши, не давая уснуть, а квартирная хозяйка все настойчивей интересовалась, когда он намерен съехать. Лишь потом он осознал, что в цирке окажется как никогда близок к почти недостижимой цели.

К губернатору.

Разумеется, после не столь давнего убийства Столыпина подобраться к цели со стороны зала сделалось решительно невозможно — охранители умели учиться на своих ошибках. Однако выстрела со сцены никто ожидать не будет. А между тем само устройство цирка-шапито, с его приземистыми трибунами, отделенными от арены

лишь низеньким барьером, подходит для этого как нельзя лучше.

Губернатор всегда любил цирк, любил какой-то восторженной детской любовью — да и не только детской: по молодости, говорят, изрядно крутил с разбитными акробатками. Даже сейчас он не мог пропустить ни одного представления самой захудалой бродячей труппы. Об этой его страсти было известно всем. Ходила злая шутка, что градоначальнику больше пристало бы управлять цирком — с этим Павел был совершенно согласен. Еще шутили, что старик не отказался бы и умереть в цирке.

А хотя бы и нет! Павел все равно не собирался его спрашивать.

2

С самого первого взгляда директор цирка господин Шульц вызывал неприязнь. Он был молод, немногим старше Павла, и, пожалуй, хорош собой — волосы цвета воронова крыла, мрачный блеск в глазах и язвительная манера речи вызывали в памяти образ байронического героя, что в реальной жизни зачастую вызывает отторжение.

— Отчего же вы, молодой образованный человек, решили поступить в услужение к нашему Господину Элефанту? — осведомился он, сцепив перед собой бледные, словно из слоновой кости выточенные пальцы.

— Видите ли,— проговорил Павел,— я остался без средств к существованию и...

— Весьма сочувствую,— перебил Шульц,— однако не рассчитывайте поправить здесь свое положение. Две трети нашей выручки уходят на перевозку и поддержание цирка, оставшегося едва хватает, чтобы сводить концы с концами. Если вам нужны только пища и кров — этим мы можем вас обеспечить, при условии, что вы будете работать на совесть.

— Я постараюсь,— сказал Павел.— Конечно, у меня нет опыта в работе с животными...

— Моя бы воля,— мрачно произнес Шульц,— я на пушечный выстрел не подпустил бы вас к Господину Элефанту, но выбирать не приходится. Настоятельно рекомендую соблюдать осторожность, если, конечно, вам дорога жизнь.

Жизнь давно не была дорога Павлу, однако он не испытывал ни малейшего желания пасть жертвой разъяренного слона.

— Три сажени в длину, четыре в высоту и почти полтысячи пудов весу,— продолжал Шульц.— Господин Элефант, вероятно, самый крупный слон из ныне живущих, включая даже его африканских собратьев... — Он усмехнулся.— Гневить эдакую махину я бы не посоветовал.

— Я не из склочников,— улыбнулся Павел.— Думаю, мы с машиной поладим.

— Что ж... — Шульц поднялся из-за стола, достал из кармана жилета золотой брегет на цепочке, откинул крышку.— Сейчас у нас начинается репетиция. Пойдемте, я покажу вам вашего подопечного.

Они вышли из директорского фургона, украшенного сбоку изрядно потрепанной афишей, на которой едва можно было различить силуэт слона, нескольких ревущих львов и фигуру с хлыстом. Цирк раскинулся посреди угрюмого голого поля за железнодорожным полотном — кричащее многоцветье шатров, палаток, будочек и пестро размазанных фургонов. Среди этой радостной пестроты лениво, вразвалочку, бродили немногочисленные служители. Над огромным желтым куполом шапито, словно язык гигантской змеи, трепетал на ветру раздвоенный красный флажок.

— Матвей! — крикнул Шульц.

Тотчас невесть откуда нарисовался серый, будто золою присыпанный, усатый мужичок в мятой косоворотке и фуражке с треснутым козырьком.

— Чегось изволите, господин Шульц? — спросил он сипло, постреливая из стороны в сторону хитрыми глазками.

— Слетай, голубчик, к Кларе да передай, чтобы через десять минут была на арене с Господином Элефантом.

— Сей секунд! — сказал серый человечек, бросил на Павла какой-то странный взгляд и тут же растворился среди повозок.

Конюшня и платформы с клетками размещались позади главного шатра, дабы зверей можно было в любой момент вывести на арену. По завету Ноя, каждой твари содержалось по паре. Цирковые собачонки встретили Павла и Шульца визгливым лаем, обезьянки, медведи и лошади провожали их печальными глазами. В воздухе витали пряный аромат опилок и кислый запах навоза, извечно сопровождающие разъездные цирки.

— Львов давеча пришлось пристрелить, — вздохнул директор. — Они, видите ли, отобедали вашим предшественником. Еще в Петербурге. Невелика потеря! За каким чертом этот пьяница полез в клетку? Однако с этих-то пор все и пошло наперекосяк.

Они вошли в бархатистый сумрак шатра. Посреди усыпанной опилками арены стояла огромная разноцветная тумба. Рядом двое одетых в мешковатые балахоны молодцев с одутловатыми физиономиями вовсю лупили надутыми дубинками по голове третьего, а тот в ответ лихо сшибал их лбами.

— Братья Бобенчиковы! — объявил Шульц. — Три величайших комических дарования, успешно загубленных пьянством и блудом.

Клоуны перестали тузить друг дружку и посмотрели на него с таким угрюмым выражением, какого никак нельзя было ожидать от представителей их профессии.

Павел огляделся; ряды скамей терялись в темноте. А вон там, по правую руку, отдельная ложа на три персоны с мягкими креслами, где вместе с охраной будет сидеть губернатор...

— Внимание, — тихо проговорил Шульц, тронув Павла за плечо, а затем повернулся к воображаемой публике и громогласно провозгласил: — Дамы и господа, представляю вам Господина Элефанта — величайшего слона в мире!

Господин Элефант торжественно вступил на арену.

Он и впрямь был огромен. Бугристая, точно из утеса высеченная голова, украшенная золоченым бархатным налобником, венчала массивные плечи, под задубелой кожей которых незримо перекачивались литые мышцы; гибкий хобот извивался между бивней, длинных, острых, точно костяные сабли — от одного их вида делалось не по себе. Большинство слонов, виденных Павлом в цирке, были лишены клыков, вид имели самый благодушный и более всего походили на огромные, изрядно обвисшие кожаные бурдюки. Господин Элефант же будто сошел беззвучной, призрачной поступью с одной из гравюр великого Доре.

Восседавшая на нем наездница — очевидно, та самая Клара — была настоящей красавицей. Белокурая и цветущая, она вызывала желание немедля схватить ее в объятия и расцеловать. Ее коротенькое белое платьице в блестках и с вырезом на спине не скрывало почти ничего. Рядом с этой сияющей белизной Павел вдруг остро почувствовал, что одежда его больше напоминает тряпье, а лицо покрыто трехдневной щетиной.

Обняв Клару за талию могучим хоботом, слон как пушинку снял ее со спины и бережно поставил на манеж. Перекрестясь на западный манер — слева направо, — она опустилась на колени и положила голову на тумбу, словно на плаху, а Господин Элефант шагнул вперед, занося свою огромную ногу...

И опустил ее на голову Клары.

Трио клоунов в притворном ужасе заламывали руки; лицо директора было непроницаемо. Клара лучезарно улыбалась из-под чудовищной стопы, способной в мгновение расплющить ей череп. Павел боялся дышать.

Струйка пота сбежала по его лбу, обожгла глаз. Вонзив ногти в ладони, он молился, сам не зная кому, чтобы все быстрее закончилось. Наконец Шульц вскинул руку, Господин Элефант медленно, будто нехотя, снял ногу с головы Клары и подался назад. Павел шумно выдохнул.

— Я смотрю, вы впечатлены! — улыбнулся Шульц.— Итак, первая ваша обязанность... Взгляните на мою дорогую сестру. Чего нет на ее волосах?

Павел, изумленный тем, что кто-то может позволить родной сестре класть голову под ногу слона, невпопад брякнул:

— Головного убора?

Клара фыркнула.

— Навоза, любезнейший, навоза,— сказал директор.— Слон — существо величавое, навоза производит в избытке и иногда в него наступает. Ежели сия мерзость окажется на белокурой головке Клары, получится номер в духе вот этих,— он мотнул головой в сторону Бобенчиковых,— к чему мы отнюдь не стремимся.

— Я полагал, что буду работником арены...— неуверенно начал Павел.

— Как я уже сказал, давая согласие, вы поступаете в полное распоряжение к Господину Элефанту. Кроме вас, этим заниматься некому. Из-за вот этих прекрасных клыков,— Шульц с гордостью провел пальцами по грозному бивню,— никто не хочет с ним работать, а спиливать их я не намерен. Слон без клыков — не слон. Полагаю, вы не станете настаивать.

— А по-моему, мы бы и сами прекрасно справились! — вмешалась Клара.— Право, Генрих, какой из него слоновщик? Посмотрите, какой он замороженный.

Павел почувствовал раздражение. Да что она позволяет себе, эта актриска?

— Ну, это-то легко поправимо! — сказал Шульц.— Вот что, любезнейший: сейчас вы отобедаете с нами чем Бог послал, потом пойдете домой — ведь у вас покамест имеется какое-никакое жилье? — и хорошенько выспитесь.

А завтра жду вас с утра. Клара разъяснит вам, что нужно делать.

Они пожали друг другу руки. Покидая манеж вслед за директором, Павел буквально ощущал спиной недовольный взгляд Клары.

3

Завтрак проходил под открытым небом. Столами и стульями служили поставленные на попа фанерные ящики, а скатертями — пожелтевшие газеты. Рядом с уже знакомыми Павлу Бобенчиковыми и Матвеем здесь были четверо лилипутов, громадный негр (очевидно, штатный силач), несколько девиц, одетых даже откровеннее Клары, двое хрупких юношей, которые держались за руки, глядя друг на друга влюбленными глазами, и с десяток служителей, косившихся на эту парочку с нескрываемым отвращением.

Никто не выказал к новому работнику ни малейшего интереса. От запаха горячей похлебки у Павла закружилась голова.

Взгляд Шульца остановился на пустующем столе:

— Где Великий Сандини?

Тишина была ему ответом.

— Матвей, голубчик, слетай-ка за ним!

— Так ить... — промямлил Матвей.

— Что «так ить»? — угрожающе спросил Шулец.

— Убег, подлец! — развел руками Матвей. — Все с фургона забрал и убег.

Шулец скрипнул зубами:

— Еще один. Корабль тонет, крысы бегут. Другие желающие есть?

Артисты что-то невнятно забормотали, качая головами.

— Есть, есть, знаю я вас, — махнул рукой директор и посмотрел на Павла. — Вы, любезнейший, часом не умеете глотать шпаги и распиливать даму пополам? — И безрадостно засмеялся собственной шутке.

На следующее утро Павел расплатился с хозяйкой и пришел в цирк, неся весь свой нехитрый скарб — накинутый на плечи армяк с револьвером Нагана в кармане, да потертый саквояж с четырьмя жестяными бонбоньерками внутри.

У директорского фургона в него врезался Матвей, очевидно «летевший» исполнять очередное поручение, и едва не выбил саквояж из рук.

— Разуй глаза, дурень! — рявкнул Павел, срываясь от испуга на позорный фальцет.

— На сердитых воду возят! — парировал Матвей и поспешил дальше, не подозревая, что только что был вместе с Павлом на волосок от смерти.

Смерть была заключена в круглые бонбоньерки и кокетливо перевязана красными ленточками.

Выделенный Павлу фургон беглого иллюзиониста располагался на самом краю поля. Обстановка внутри оказалась самая спартанская — узкая койка с голым матрасом да грубо отесанный стол с табуретом.

С великой осторожностью Павел поместил саквояж под кровать. Сев за стол, достал из кармана промасленную тряпицу, развернул. Наган тускло блеснул в луче света, сочившемся из запыленного оконца. Рядом маслянисто поблескивали патроны.

Последний раз на губернатора покушались в Ярославле. Некая девица Ляхович смогла добиться приема под видом просительницы и, оставшись с градоначальником наедине, всадила ему два заряда из двуствольного «дерринджера» в раззолоченную медалями грудь. Обливаясь кровью, старик все же сумел повалить нападавшую на пол и удерживал до прихода подмоги. Ляхович повесилась в камере на собственном поясе, не выдержав допросов, а губернатора от греха подальше перевели в самую глухую провинцию. Могли бы и не стараться: неудача Ляхович, хоть и вполне предсказуемая (Павел советовал ЦК во-

оружить барышню калибром побольше; ему ответили, что в покушении на Линкольна «дерринджер» зарекомендовал себя наилучшим образом), стала последней каплей. Комитет постановил: рисковать всей группой ради убийства одного мерзавца не стоит, а ежели кто имеет к старику личный счет, ему лучше вовсе покинуть организацию и действовать на собственное усмотрение.

Расстались без сожалений — товарищи давно поняли, что не верит он во всеобщие свободу-равенство-братство и справедливость. И только ближайший приятель, студент-химик Самуил Френкель, тайком передал ему начиненные гремучим студнем снаряды Кибальчича с уже встроенными взрывателями, сказав на прощанье:

— Гляди не подорвись сам — там небольшой встряски достаточно. И еще прошу — не применяй их в толпе. Не пытай наши руки в невинной крови.

А губернатор нарочно — Павел в том нисколько не сомневался! — ездил исключительно людными улицами. Тем не менее избавиться от снарядов молодой человек не решался. Так они и кочевали с ним вместе с одного жилья на другое, повиснув мертвым грузом.

Павел поднял револьвер, откинул барабан. Зияющие гнезда наполнились светом. Возможно, у него не будет и двух выстрелов...

Громкий стук в дверь застал его врасплох. Чертыхнувшись, он выронил тряпку, патроны раскатились по столу. Павел лихорадочно сгреб их, завернул вместе с пистолетом обратно в тряпку, убрал под матрас и только после этого открыл дверь. На пороге стоял улыбающийся Шульц с хлыстом в руке.

— Доброе утро! — сказал он. — Готовы поближе познакомиться с Господином Элефантом?

Знакомство, однако, не задалось.

Господин Элефант ждал их посреди просторного шатра, служившего слоновником. Вьющаяся среди опилок толстая стальная цепь приковывала его ногу к глубоко врытой в землю железной балке. Рядом с ним стояла